

АНАР

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ УХОДЯЩЕГО ГОДА

Наступил последний вечер уходящего года. Время близилось к девяти. Гамида-хала хлопотала на кухне. Тофик поминутно бегал к телефону, а затем влетал в кухню, чтобы выпалить очередную новость.

– Мама, знаешь, Сейран тоже придёт!

– Кто такой Сейран, милый?

– Ой, неужели ты не помнишь? Он же тебе нравился; ты ещё сама сказала, что он очень аккуратный.

– А-а-а! Ну что же, прекрасно.

Тофик волнуется. Ещё бы! Впервые за всю свою четырнадцатилетнюю жизнь он встречает Новый год в «компании». «Компания» – это его школьные друзья-восьмиклассники. Ещё три месяца назад они начали договариваться о встрече Нового года.

– Давайте соберёмся у нас, – предложил Тофик – Кроме мамы, никого дома не будет, а она рано ложится спать.

– А старший брат и сестра?

– Они никогда не встречают Новый год дома.

Тофик открыл матери «секрет»: девочки тоже придут. Родители разрешили.

– А еды хватит? – беспокоится Тофик.

– Хватит, хватит, дорогой, – успокаивает его Гамида-хала. – Пусть ещё хоть десятеро гостей придут. Всех накормим.

Тофик вновь бежит к телефону, звонит то одному, то другому, с кем-то долго и горячо спорит. Потом звонят ему – и снова длится долгий разговор. Ему кажется, что собрать эту компанию – дело невыполнимое. И в самом деле, один хочет прийти пораньше, другой – попозднее, третий далеко живёт, четвёртый не знает адреса, пятый вообще раздумал приходить. Больше всего, разумеется, капризничают девочки.

– Вот видишь, мама, Фирангиз не придёт.

– Почему, сынок?

– Она, говорит, думала, что мы будем одни, а оказывается, говорит, твой брат и сестра дома, я стесняюсь.

– Что же делать, милый? – разводит руками Гамида-хала.

Тофик зло смотрит на дверь, ведущую в комнату, где почему-то сидят и не уходят Дилара и Рустам.

– Никогда не бывают дома, а сегодня, как назло, вдруг им захотелось встретить Новый год в семейной обстановке, – сетует Тофик, язвительно подчёркивая последние слова.

– Ну не выгонишь же их, – пытается успокоить Тофика мать.

Но он, вконец расстроенный, выходит из кухни и снова хватается за телефонную трубку.

– Не виси на телефоне! – открыв дверь, кричит Дилара. – Может, кто-нибудь звонит нам!..

Странно, что Дилара дома в этот новогодний вечер. Такого с ней за последние годы ещё не случалось. А Рустам? Тут уж совсем ничего не понять. Его под Новый год видели дома только при жизни отца...

Да, при Газанфаре шумно бывало у них в новогоднюю ночь, всегда собиралось много друзей. После его смерти семья несколько лет не отмечала новогоднего праздника. Гюляра и Рустам уходили к друзьям. А Гамида-хала с Диларой и Тофиком засветло укладывались спать. Потом стала уходить и Дилара. Теперь, видать, настал черед Тофика.

Но сейчас все дома. Нет, не все. Нет Газанфара. Он умер семь лет назад. Нет и Поляры – она с мужем будет у свёкра. Так никогда не бывает, чтобы все были вместе. Всегда кого-то нет.

Стенные часы бьют десять. Тофик, завершив «дипломатические» переговоры, вновь входит в кухню и почему-то смущённо переминается с ноги на ногу.

– Что, Тофик, все не можешь собрать гостей? – участливо спрашивает Гамида-хала.

– Да нет, но... – мнётся Тофик и, с трудом переборов смущение, выдавливая: – Понимаешь, мам, Рауф говорит, приходите к нам. Его родители куда-то уходят... И мы будем одни. Совсем одни...

– Ну что же, милый, – произносит Гамида-хала и проводит тёплой рукой по волосам сына. – Если вам так хочется, соберитесь у Рауфа. Что тут такого...

У Тофика заблестели глаза: мать не обиделась!

– Только что вы там будете есть?

– Что-нибудь найдётся, – радостно отвечает Тофик. – Консервы или ещё что-нибудь в этом роде...

– Какие там ещё консервы! – сердится Гамида-хала. – Возьми немного плова.

– Нет, нет, мамуля, на что нам плов? Да если я явлюсь с казаном под мышкой, меня все засмеют.

Гамида-хала слабо улыбается.

– Ну ладно, иди!

И в самом деле, на что им плов? Они будут есть консервы и чувствовать себя свободными и независимыми... А здесь они ели бы вкусный плов, но чувствовали бы себя стеснённо, скованно. Плов и консервы, прошлое и будущее, старость и молодость... Вот о чем думает Гамида-хала.

Тофик крепко целует мать и уходит.

Рустам спит в своей комнате. Так он, во всяком случае, заявил: «Я ложусь спать, не будите меня». Гамида-хала прекрасно знает причину этого «сна». Уже целую неделю Рустам в ссоре со своей невестой, и они принципиально не звонят друг другу.

Дилара себе места найти не может. Она слоняется из угла в угол, перелистывая старые журналы, включает телевизор и то и дело поглядывает на телефон. А телефон молчит.

Гамида-хала продолжает стряпать.

Раздаётся звонок. Гамида-хала открывает двери. В переднюю входит Гюляра и ее муж Сулейман с Вагифом на руках.

– Милости просим, – радушно встречает их Гамида-хала. – Проходите в комнаты, я сейчас.

«Что бы им прийти на десять минут раньше. Как было бы хорошо! – думает она. – Вся семья была бы в сборе. Даже если бы Тофик и ушёл потом...»

Гамида-хала моет руки и спешит к гостям.

– Какими судьбами?

– Пришли поздравить тебя с Новым годом, – отвечает Гюляра.

Снова звонок. В комнату, запыхавшись, влетает подруга Дилары Лейла.

– Ой, знаешь, Дилара, уф, не могу!..

– Да ты отдышись, дочка, – успокаивает ее Гамида-хала. – Что-нибудь случилось?

– Да ничего особенного, – переводя дыхание, отвечает Лейла. – Просто я бежала всю дорогу... Директор сказал: «Во что бы то ни стало найдите Дилару. Какой может быть без неё концерт!»

В глазах Дилары на миг вспыхивает радость, но она тут же напускает на себя безразличие.

– Нет уж, извините! Теперь им Дилара понадобилась. Могли меня заранее включить в программу. А сейчас... Подвёл, наверное, кто-нибудь...

– Нет, нет, честное слово! – горячо убеждает Лейла. – Директор даже не подозревал, что тебя нет в программе. А когда узнал, знаешь как рассердился!

Только сейчас Гамида-хала догадалась, почему Дилара дома.

– Одевайся, да побыстрее, – строго говорит она дочери. – Не время капризничать. Раз зовут – иди.

Дилара мотает головой – ни за что. Но Гамида-хала знает свою дочь. И действительно, через несколько минут девушки, нашумев, убегают.

Гамида-хала извиняется – ей надо на кухню. Гюляра следует за ней.

– Знаешь, мамочка, мы приглашены к друзьям Сулеймана. Но вот Вагиф... Пусть он побудет у тебя?

– Конечно, дочка, пусть останется...

Гюляра быстро укладывает Вагифа.

– Ну, мамочка, нам пора. Откровенно говоря, мне эта компания не по душе, я бы с удовольствием осталась с тобой, да боюсь – обидятся. Ну, дай я тебя поцелую. Как говорится, с наступающим!..

– Будьте счастливы, Гамида-хала, – прощается Сулейман.

– Спасибо, родной! Всего доброго, всего хорошего...

Хлопает дверь. Гамида-хала возвращается на кухню и, повторяя «всего доброго, всего хорошего», продолжает готовить плов на

пятнадцать человек. Вдруг вспоминает: Рустам! Она идёт в комнату сына.

– Рустам, ай, Рустам!

– Да?

– Вставай, нельзя столько спать, а то весь год проспичь!

– Ах, мама, оставь, пожалуйста!

– Слушай, я с кем говорю? Вставай сейчас же! У меня к тебе дело. Иди-ка сюда!

– Ну что там ещё?

– Иди и помоги мне.

Рустам нехотя поднимается с кровати. Гамида-хала берет его за руку и тянет в переднюю.

– Возьми трубку и звони!

– Куда звонить?

– Сам знаешь!

– Не буду!

– Нет, позвонишь! Никто из моих детей и ты сам никогда ещё не перечил мне. И если ты сегодня не сделаешь того, о чем я прошу, на всю жизнь обижусь.

– Мама, но ведь...

– Звони! И все!

– Но...

– Если не хочешь обидеть меня.

Рустам мнётся.

– Ну?

– Вот только ради тебя...

Гамида-хала уходит в комнату, где уже сладко посапывает маленький Вагиф. До неё доносится жужжание вращающегося телефонного диска и негромкий голос Рустама.

– Да... здравствуй...

Несколько секунд холодного молчания и безразличное:

– Как видишь, да...

Снова молчание, а потом голос, полный иронии:

– В самом деле?..

«Наверное, она сказала ему что-нибудь не так», – думает Гамида-хала.

– И я тоже. Можешь быть уверена на все сто процентов, – произносит Рустам тоном, способным заморозить уши его собеседницы.

«И зачем они так, – сокрушается Гамида-хала. – Ведь любят же друг друга».

И вдруг Рустам переходит на шёпот. Гамида-хала не разбирает слов, но чувствует: в голосе Рустама уже нет ни холода, ни иронии. Потом сын начинает говорить громко. Вот сейчас – это её Рустам: ласковый, чуткий. Он чему-то смеётся, и вновь наступает молчание. Но уже не то, ледяное, а тёплое и живое.

Зевок, спокойный, безмятежный зевок, и вопрос:

– А что мне у вас делать?

«Она его зовёт к себе», – догадывается Гамида-хала.

– Нет, знаешь, я сказал маме, что буду сегодня дома.

Гамиде-хала хочется встать и сказать ему: «Иди!» Но она не поднимается с места.

– Не знаю, право. А кто у вас будет?

«Ну вот, можно и не вставать; он пойдёт...»

– Нет, знаешь, мне что-то не хочется. Если бы вы были одни... Честное слово, я не капризничаю. Но я их не люблю.

«Нет, не пойдёт...»

– Так вот, поздравляю тебя с наступающим годом. Желаю много, много...

«Не пойдёт... Определённо не пойдёт!»

– Ты очень хочешь, чтобы я пришёл?

«Кажется, пойдёт».

– Нет, давай завтра утром...

«Нет, не пойдёт...»

– Ну, хорошо, хорошо. Не начинай все сначала. Может быть, приду.

«Пойдёт».

– Как, который час? Двадцать минут двенадцатого? Есть, иду!

Рустам вешает трубку и вбегает к матери.

– Мам, знаешь...

Между Рустамом и Тофиком семь лет разницы. Но смущаются они одинаково. Это от Газанфара. У того, когда он смущался или нервничал, тоже начинал дрожать мизинец.

– Иди, милый, иди. Передай ей от меня большой, большой привет!

Рустам быстро одевается, спрашивает:

– А куда девалась наша мелюзга?

– Дилара пошла в школу, будет петь в концерте, а Тофик у товарища. У них собралась компания...

– Тофик с компанией? Дожили!

– А что ж! Тофик уже взрослый парень.

– Так ты совсем одна?

– Ну почему же одна. Вот Вагиф у нас.

Рустам улыбается.

– Хороший у тебя кавалер, ничего не скажешь. И уже серьёзно: – Нет, если бы я знал, что ты останешься одна...

– Почему же одна? Мы будем вдвоём с ней. Побеседуем...

– С кем? – удивлённо спрашивает Рустам.

– Да вот с той девушкой, что в телевизоре, – отвечает Гамида-хала. Рустам смеётся. – А кроме того – продолжает она, – ты же знаешь, что я рано ложусь... Посижу немного и лягу спать. Когда вернёшься, звони сильнее, – а то не проснусь.

Рустам, конечно, не помнит: когда был жив Газанфар, в новогоднюю ночь в доме веселились до утра.

Попрощавшись с матерью, Рустам уходит.

Стол накрыт на двенадцать человек. Сейчас он выглядит странно в безлюдной комнате. Но ещё удивительнее, что Гамида-хала накладывает в огромное блюдо плов и ставит его на стол, приговаривая вполголоса:

– Вы сядете сюда, Рагим и Назифа пусть сядут на том конце, а ты, уста, вот здесь... Теймур, пройди сюда к жене, а вы, дети, чуточку потеснитесь... Султан – вот твоё место, ведь ты будешь тамадой...

Гамида-хала беззвучно смеётся. «Кажется, я немного тронулась».

Она выходит на балкон. Тихо, пусто. «Неужели хоть кто-нибудь сейчас бродит по улицам?» Едва успела Гамида-хала подумать об этом, как заметила двух прохожих. Они вышли из магазина – в

руках покупки. Ёжась от холода, громко смеясь и переговариваясь, они спешат куда-то. Гамида-хала возвращается в комнату. Включает телевизор. На экране – девушка-диктор.

Гамида-хала придвигает стул поближе к телевизору и садится.

– Давай побеседуем, доченька. Тебе, наверное, надоели эти передачи, ведь правда? Все празднуют, а ты здесь!..

«Одним из серьёзных культурных достижений в уходящем году была постановка балета молодого композитора Юсифова», – говорит девушка на экране телевизора.

«Молодой композитор Юсифов...» «Этот молодой композитор, – думает Гамида-хала, – веселится в кругу своих друзей и даже не слушает тебя. Сейчас вряд ли кто смотрит передачу». И вновь обращается к девушке:

– Иди ты, доченька, домой. А о достижениях нашей культуры расскажешь завтра. Они за ночь никуда не убегут, эти достижения.

«Многие выдающиеся произведения живописи созданы также и нашими художниками», – продолжает диктор.

– Сейчас без двадцати двенадцать. Возьми машину, дочка, и как раз успеешь. Ведь тебя ждут... Тебя есть кому ждать. Ты молодая и красивая. Наверно, у тебя жених. Ему сейчас тоскливо одному. Разве не так, милая...

«Работа Фазилова, посвященная пастухам, очень оригинальна и естественна...»

– Ну и пусть естественна. А ты, доченька, спеши. Как жених обрадуется! Он поцелует твои волосы. Они у тебя красивые. Пусть весь Баку сейчас смотрит на тебя, но тебе ведь хочется быть только с ним, разве не так?

«В числе новых кинофильмов...»

– Понимаю, доченька. Работа! Нельзя так просто оставить все и уйти. Но ведь обидно, в такой вечер...

«А кто же ещё одинок в этот вечер? – спросила она себя и вспомнила: – Телефонистка в справочном бюро!»

Гамида-хала подошла к телефону и набрала «09». Послышались частые и тонкие гудки. Занято. Набрала ещё раз. Женский голос ответил:

– Справочная!

– Здравствуй, дочка.
– Какой номер?
– Я говорю, здравствуйте. Поздравляю вас с Новым годом.
– Спасибо!
– Вы одна, вам скучно, наверно?
– Кто это говорит?
– Просто так, женщина.
– А, Рая! Я тебя не узнала. Что хорошего? Где ты, с кем?
– Нет, это не Рая. Вы меня не знаете.
– Так что же вам нужно?
– Ничего. Просто я хотела вас поздравить и спросить, как вы себя чувствуете в этот вечер.

– Благодарю, – сухо бросила телефонистка и тут же добавила: – Не занимайте, пожалуйста, линию! Новый год еще не начался, а вы уже, видать, успели...

Гамида-хала рассмеялась и положила трубку. Девушка ушла с экрана телевизора. Передача кончилась. По бакинскому времени уже наступил новый год. Гамиде-хала стало чуточку грустно, что девушка с экрана исчезла. Теперь она была совсем одна. Вскоре позвонил Рустам, поздравил мать. Чуть позже позвонил Тофик; за ним Гюляра – поздравила, спросила о сыне, Дилара не звонила – в школе трудно добраться до телефона.

Гамида-хала включила приёмник, но лёгкая музыка пришлась ей не по душе. Она очень любила слушать Бюль-Бюля, и у них были отличные магнитофонные записи его песен. Гамида-хала включила магнитофон.

«Почему к концу жизни человеку остаются одни эти аппараты? – подумала она, но сразу отогнала грустную мысль. – Нет, я не права. Мне остались не одни аппараты. У меня чудные дети. И все меня любят». И вдруг ей пришла в голову странная мысль. Ей захотелось услышать голос Газанфара. Она пыталась прогнать эту мысль, но не могла. Дело в том, что Газанфар как-то записал свой голос на магнитофонную ленту. После его смерти никто в доме не решался прослушать запись. И вот теперь ее неудержимо потянуло сделать это.

Не в силах совладать с собой, Гамида-хала достала из ящичка заветную ленту и вставила её в аппарат.

Послышались смех, возгласы, она различила свой голос и голоса детей. Потом наступила внезапная тишина и мягкий голос Газанфара произнёс:

– Слушай, Гамида...

У Гамиды-хала перехватило дыхание, и по спине поползли мурашки. Как будто Газанфар разговаривал с ней из другого мира.

– ... Я не поэт и не философ. Я обыкновенный рабочий. Правда, у меня есть какое-то имя, и если соберутся пять человек, то хотя бы один из них наверняка меня знает. Но повторяю, я самый обыкновенный человек и не собираюсь мудрствовать и философствовать. Но у меня есть жизненный опыт. Я, как говорится, повидал и лицо и изнанку жизни и хочу тебе кое-что сказать... Придёт день, и меня не станет...

В репродукторе магнитофона раздался звенящий от негодования голос Гамиды-хала:

– Хватит! Ради бога, не продолжай! Без тебя нам и дня жизни не нужно.

Какими естественными были тогда эти слова; тогда они казались неопровержимой правдой.

Послышался смех Газанфара.

– Ну хорошо, жёнушка! Пусть это будет лет через сорок-пятьдесят... придёт день, и я уйду...

– Газанфар!..

– Не перебивай! Дай мне произнести мою литературную речь. – Газанфар вновь засмеялся. – И тогда я оставлю тебе единственный клад – наших детей. Конечно, если смерть не поспешит, я сам воспитаю их. Но если... Тогда это сделаешь ты. Не обязательно, чтобы они у нас стали врачами, инженерами, учёными. И пусть будут кем захотят, лишь бы они были людьми, хорошими людьми.

И ещё, Гамида, наступит день, все они вырастут и, как птицы, улетят из родного гнезда. Не называй их отрезанными ломтями. Помни, куда бы они ни ушли, в какую бы среду, в какую бы семью ни попали, они унесут с собой что-то твоё и моё, точно так же, как

мы, встретившись, принесли каждый что-то от своих отцов и матерей.

Скажешь – философствует Газанфар? Но это истинно так: ничто в жизни не кончается, не пропадает, никто не умирает. То, что начинает один, продолжает другой. От одного поколения к другому переходит и хорошее и плохое. Мы с тобой, Гамида, мне кажется, прожили и ещё проживём хорошую жизнь. Своими руками добывали свой хлеб. Пусть все то доброе, что было в нашей жизни, и дети наши возьмут в свою новую жизнь...

Так... Конец ленты... Правда, можно было послушать снова. Но сколько бы ни слушала Гамида-хала, Газанфар не скажет ничего больше. Но это уже не печалило Гамиду-хала. Она взглянула на стол и не стала ничего убирать. Прилегла рядом с Вагифом, осторожно погладила его черные как смоль волосы, коснулась губами тёплого лба...